

A man in a dark jacket stands in a misty forest, looking at a large, dilapidated wooden house with a smoking chimney. The house is multi-storied with a gabled roof and several windows, some of which are boarded up or broken. The scene is atmospheric and somewhat somber.

Марк Бессонов

Эфир. Нулевая частота

18+

Эфир

Марк Бессонов

Эфир. Нулевая частота

«Автор»

2026

Бессонов М.

Эфир. Нулевая частота / М. Бессонов — «Автор»,
2026 — (Эфир)

Круглов, когда-то включивший генераторы, умирает и приходит просить прощения у матери девочки, которую он превратил в живой труп. Но в старом бункере обнаруживается первый образец системы — «Изделие 17-Г». Частота здесь не убивает, а вытаскивает из памяти самые страшные воспоминания и заставляет переживать их снова и снова. Кондратий увидит Саню, Кузьмич — тех, кого предал, а Круглов — сына, которого не спас. Единственный способ остановить машину — набрать код 17081991. Но для этого придётся пройти сквозь крики мёртвых и не отвести взгляда. Третья книга — финал трилогии о тишине, которая оказалась громче любого звука. Останется ли в мире хоть что-то, кроме нулевой частоты?

Содержание

Глава 1. Письмо	5
Глава 2. Возвращение	6
Глава 3. Лесник	9
Глава 4. Техник	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Марк Бессонов

Эфир. Нулевая частота

Глава 1. Письмо

Кондратий сидел на нижней ступеньке крыльца. Провода над полем пустовали — ни одной вороны. Даже они куда-то смылись. Почтальонша, не сворачивая к калитке, бросила конверт в ржавый ящик и быстро ушла, не обернувшись. Будто боялась.

Он достал письмо, увидел штамп ИК-7 — и пальцы замерли. Человек, которого Кондратий мечтал убить три года подряд, написал ему. Не с угрозами. С просьбой.

«Я умираю, Попов. Позволь увидеть ту девочку».

Кондратий прочитал это дважды. Не разорвал.

Внутри дома затихли звуки — Лена перестала греметь кружками. Через минуту вышла с двумя чашками чая, протянула одну, села рядом. Он молча передал письмо.

Она читала — пальцы, сжимавшие края листков, побелели. Сделала глубокий вдох, прикрыла глаза. Вернула письмо.

— Думаешь, приедет? — спросила тихо.

Кондратий смотрел на пустое поле.

— Не знаю. Но если приедет — не прогоню.

— Почему? После всего, что он сделал?

— Потому что он уже заплатил. А платить ещё не кончил.

Она не спорила. Её плечо коснулось его плеча. Просто и тяжело, как всегда.

Вечером он сидел в мастерской один. Лена спала за стеной — слышно было, как она иногда вздыхает во сне. На верстаке лежала жестянка. Открыл, перебрал содержимое: жетон Сани, фотографию Сергея — теперь без боли, просто с тихим узнаванием. Взял конверт Круглова, положил поверх всего.

«Когда ты один — ты можешь включить генератор. Когда не один — не можешь».

Позже вышел на крыльцо. Ночь пахла талой водой и прелью — весна, что ли, или просто гниль. Луна на секунду пробилась сквозь облака, осветила серую дорогу и спряталась обратно. Будто испугалась.

Кондратий чихнул. Резко, сухо.

Никто не сказал «будь здоров».

Но он знал — она рядом. Просто спит. Он продолжал смотреть на дорогу, по которой, возможно, кто-то ехал. Или уже никогда не приедет.

Глава 2. Возвращение

Вечер наступил незаметно, принеся с собой сырую прохладу — ту самую, которая забирается под куртку и не хочет вылезать. Разбитая грунтовка, уходящая в сторону села, напоминала застывший поток запёкшейся глины. Старенькое такси, остановившись в паре сотен метров от вышки, глухо чихнуло мотором и затихло. Чихнуло — и как будто извинилось.

Из машины выбрался человек. Чёрное пальто, когда-то дорогое, теперь висело на его исхудавших плечах, как на вешалке — болталось, простите за честность. В левой руке он сжимал простую деревянную трость. Вещь без амбиций. Лицо серое, будто присыпанное дорожной пылью, казалось высеченным из камня — или из старого, потрескавшегося бетона. На виске — глубокий шрам, след той самой операции, о которой когда-то говорили в суде как о чуде. Чуда не случилось, как видите.

Таксист поспешно выгрузил на землю небольшой кожаный чемодан с потёртой ручкой. Не дожидаясь, пока пассажир отойдёт, водитель, не глядя ему в глаза, захлопнул багажник и развернул машину — торопливо скрылся в сумерках. Дёшево отделался, наверное, подумал.

Круглов остался один.

Поставил чемодан, упёрся в трость обеими руками, тяжело выдохнул. Огляделся: поле, холодная вышка, в низине — крыши села. На проводах застыли две вороны. Не издавали ни звука — просто наблюдали. Смотрели, как смотрят только те, кто знает, что ты уже не опасен.

Кондратий сидел на крыльце, привычно прислонившись спиной к косяку. Он видел, как человек с тростью начал свой путь к дому. Не встал. Лена, вышедшая с кружкой, остановилась в дверях.

— Это он? — спросила.

— Он, — ответил Кондратий.

Не двинулись с места. Круглов двигался медленно, припадая на левую ногу. Трость вязла в глине. Подошёл, остановился в десяти шагах, тяжело дыша — звук был похож на хрип. Или на смех, только без повода.

— Здравствуй, Попов.

Кондратий молчал. Рассматривал его. Круглов перевёл взгляд на Лену.

— Здравствуйте, фельдшер.

Она коротко кивнула, сжимая кружку обеими руками — так, будто грелась, хотя чай давно остыл.

Круглов опустил на нижнюю ступеньку. Дерево под ним жалобно скрипнуло — то ли пожаловалось, то ли согласилось. Положил руки на рукоять трости.

— Я не к тебе, Попов, — наконец сказал он. — Я к ней. К фельдшеру.

Кондратий неторопливо погасил окурок о ступеньку.

— Зачем?

— Спросить, как та девочка. И извиниться. Перед вами обоими.

Лена стояла в дверях, скрестив руки на груди.

— Извинения ничего не исправят.

— Знаю. — Голос сухой, как прошлогодняя листва. — Но они помогут мне. Я умираю, фельдшер. Мне больше нечего терять. Я хочу увидеть мать той девочки. Сказать ей то, что не успел своей жене. Что я был неправ. Что система, которую я строил, — она не работает. Она только убивает. Мы думали, инфразвук — инструмент контроля. Но ошибка была в расчётах: частота ниже двадцати герц не подавляет волю, она разрушает лимбическую систему. Я читал отчёты после Алушты — у выживших атрофировался гиппокамп. Они не помнили, кто они. Это не контроль. Это лоботомия.

Лена долго молчала. Перевела взгляд на вышку, туда, где когда-то навсегда затих голос Сергея. На секунду прикрыла глаза, словно собираясь с духом, и в этой короткой паузе отразилась вся тяжесть её памяти. Вся, до дна.

— Он может остаться, — наконец сказала она, обращаясь к Кондратию. — В старом доме за фермой. Там печка, дрова. Одеяла принесём.

Кондратий приподнял бровь.

— Ты уверена?

— Нет. — Ответила. — Но он умирает. Выгонять умирающего — не по-фельдшерски.

Круглов поднял на неё глаза.

— Спасибо.

— Прощения здесь нет. Просто дом.

Кондратий провёл его к старому дому. Тропа скользкая — ноги разъезжались. Внутри пахло пылью и застоявшимся воздухом — как в склепе, только без трупов. Круглов опустил на топчан.

— Ты тогда, в кабинете, сказал: «У вас рак». — Глядя в мутное окно. — Я думал, проклинаешь. А ты просто знал.

Кондратий закурил.

— Ты был бледный уже тогда. Заметил.

— И ничего не сказал.

— А зачем? Ты бы не остановился.

Круглов медленно кивнул.

— Не остановился бы. Думал: земля, контракты, система. А теперь думаю: сын. Он ждал меня в тот вечер, когда я включил генератор в первый раз. Скорая опоздала.

Кондратий промолчал. Круглов потёр красные глаза.

— Я не прошу прощения, Попов. Прощения не бывает. Но я хочу, чтобы ты знал: я не хотел, чтобы Сергей погиб. Я приказал поджечь вышку, но думал — успеет спуститься.

Кондратий выпустил густой клуб дыма.

— Не успел.

Ночью Круглов сидел на топчане, укутавшись в старое одеяло. Разложил на столе вещи: фотографию сына, детскую пижаму, плюшевого медведя с оторванной лапой и рисунок — дом и жёлтое солнце. Рядом положил старую записную книжку в потёртом кожаном переплёте. Не открывал — просто положил. Отчитываясь.

Перед сном принял таблетки, лёг не раздеваясь. В тишине дома его шёпот прозвучал как эхо:

— Паша...

Свет в окне горел до рассвета.

Кондратий возвращался от дома. У калитки задержался, глядя на неё, и оставил створку приоткрытой. Щель — достаточно широкая, чтобы заметить, если кто-то решит уйти. Или если придёт помощь.

Подошёл к крыльцу, где ждала Лена.

— Устроил?

— Устроил.

Сел рядом, взял кружку.

— Он сказал — прощения не бывает. Я согласен.

— Тогда зачем пустил? — Лена посмотрела на огонёк.

Кондратий посмотрел на старый дом.

— Потому что умирает. И потому что единственный, кто знает, где система. Может, расскажет. Может, нет. Но пока здесь — не на востоке, не у Гридина. Здесь. И я могу следить.

Лена кивнула.

— Расчёт. Не прощение.

— Да.

Кондратий чихнул. Смотрел на свет в окне, который станет частью их ночного пейзажа. Счётчик больше не нужен. Жизнь продолжалась.

Глава 3. Лесник

Утро в ФАПе тянулось лениво — как старая собака на солнце. Лена сидела за столом, заполняла медицинские карты. Монотонный, успокаивающий труд. В третьей палате ровно попискивал монитор: девочка спала. Тишина — почти осязаемая, пока её не разорвал скрежет тормозов. А следом — топот тяжёлых сапог по крыльцу. Так топают только когда несут что-то тяжёлое. Или кого-то.

Дверь распахнулась с ударом о стену — гвозди, наверное, вылетели. Двое мужиков ввалились внутрь, волоча третьего. Кряжистый лесник с густой седой щетиной. Не в ступоре, как привычные пациенты. Он бился. Глаза — широко, зрачки бегают с бешеной частотой, как у загнанного зверя. Руки сжаты в кулаки. Из левого уха — запекаясь на щеке — сочилась тёмная кровь.

— Держите его! — Голос Лены холодный, чёткий. — Руки, ноги — ремнями! Быстро!

Лесник рванулся — один из мужиков охнул, схватившись за лицо: локоть пришёлся точно в скулу. Кровь из носа, матюги. Лена работала как механизм: фиксация, ремни, иглы. От пациента исходил резкий, въедливый запах — дым, хвоя, горелая проводка. Лена замерла на долю секунды, вдыхая.

«Так пахло в бункере Круглова, — пронеслось в памяти. — Так пахло на полигоне».

— Не подходи... — хрипел лесник, глядя сквозь Лену в пустую точку над плечом. — Они здесь... Снова стреляют...

Лена схватила фонарик. Зрачки — в пол-лица, на свет не реагируют. Подключила портативный ЭЭГ-монитор. На экране вместо плавных дельта-волн заплясали острые, рваные пики. Как кардиограмма бешеного.

Вытащила из кармана приёмник. Настройка — секунды. Частота 17 Гц отозвалась в груди низким, вибрирующим гулом — зубы заныли. Лена побледнела.

— Семнадцать герц, — прошептала она, прижимая трубку телефона.

Сосед лесника, прижимая к разбитой скуле грязный платок, дрожащим голосом:

— Вчера нормальный был. Пошёл дрова рубить — и пропал. Утром нашли у старого бункера, за лесополосой. Бормотал чего-то. Я подошёл — он на меня кинулся. Чуть топором не зарубил. Говорят, там раньше военные склады были, лагерь... давно закрыли.

Лена записывала: «Агрессивное поведение. Реакция на приближение». Старый бункер. Частота, которую Козырев не успел зафиксировать.

Через час лесник пришёл в себя. Зрачки сузились, взгляд сфокусировался на Лене.

— Вы слышите меня? — спросила.

Кивнул, облизнув сухие губы.

— В бункере... гул. Думал, трансформатор. Подошёл, а там... жена моя. Умерла пять лет назад. Стоит, зовёт. Я к ней, а она — как пыль, рассыпалась. А вместо неё — люди в форме. Старая, не наша. Или наша, но давно. Кричали: «Не подходи». Как я сейчас.

Лесник посмотрел на свои ладони, сжимая их в кулаки — проверял, настоящие ли. Дышал часто, как после бега. Или после того, как увидел мёртвых.

Кондратий вошёл через полчаса. Лена встретила в коридоре, молча протянув распечатку ЭЭГ.

— Это не модель Круглова, — сказала. — Что-то старше. Остаточные галлюцинации, записанные в поле генератора.

Кондратий просмотрел данные, развернул спутниковую карту.

— Этого бункера нет на картах Козырева.

— Я проверила снимки. Вход есть. Старый, довоенный.

Кондратий потёр челюсть — скрип щетины.

— Козырев искал по всей области. Но этот пропустил. Или кто-то не хотел, чтобы нашли.

— Я пойду, — сказал, сворачивая карту. — Сегодня.

— Я с тобой.

— Нет. Ты нужна здесь. Лесник может стать буйным. И Круглов... он приходит завтра.

Лена хотела возразить — промолчала. Кондратий достал жестянку, открыл. Жетон Сани, флешка, обрывок письма.

— У меня есть вы все, — сказал, глядя в глаза.

Она сжала его ладонь.

— Иди. Возвращайся.

Вечер опустился на село. Кондратий в мастерской собирал снаряжение: приёмник, фонарь, валидол. Сжал в кулаке жетон Сани.

На крыльце ФАПа стояла Лена.

— Если что — звони. Не с мобильного, — сказала.

— Ты уже говоришь как я, — усмехнулся.

— Я учусь.

Он поцеловал её — сухо, коротко, без лишних слов. Без «прощай». Развернулся, шагнул в темноту. У калитки не стал закрывать створку — просто толкнул, даже не глядя. Ускорил шаг к лесополосе. Ему было не до символов — каждая минута на счету. Тик-так, тик-так.

На проводах у ФАПа сидели две вороны. Провожали взглядами, не шелохнувшись. Вдалеке, за полем, в окне старого дома горел слабый жёлтый свет. Круглов не спал. Кондратий шёл к бункеру, зная: в этом мире больше не осталось безопасных частот.

Глава 4. Техник

У него был код от генератора. Ещё в девяносто первом Кузьмич мог всё остановить — но предпочёл промолчать. Двадцать лет кормил страх этим молчанием, пока гул машины не стал единственным звуком. Теперь он был готов выдать тайну. Но для этого ему нужен был Попов.

Кондратий шёл к землянке через мокрый лес. Не зная, что старик ждёт с ружьём. И с цифрами, которые двадцать лет выжигали ему глаза изнутри.

Лена ждала у двери ФАПа. Взгляд — усталость, смешанная с тревогой.

— Лесник спит. ЭЭГ стабилизировалось, но... — замялась. — Сигнал не пропал. Генератор всё ещё работает.

Кондратий кивнул, поправляя ляжку.

— Я иду к бункеру. Но сначала — к Кузьмичу. Круглов сказал, он знает код.

Скрипнула калитка. Из-за угла вышел Круглов. Длинное чёрное пальто, застёгнутое на все пуговицы — выглядело чужеродным, как космонавт в деревне. Тяжело опирался на трость. Прежде чем подняться на крыльцо, извлёк из кармана таблетку, проглотил сухо, поморщившись.

— Я проведу. Кузьмич не всем открывает. Чужака может встретить с ружьём — сначала стреляет, потом спрашивает.

Лена переводила взгляд с Круглова на Кондратия.

— Я с вами.

Кондратий качнул головой.

— Нет. Лесник может очнуться. Если накроет снова — ты единственная, кто знает, как удержать. Мне нужно быть уверенным.

Лена хотела возразить. Открыла рот — закрыла. Вспомнила девочку из третьей палаты — лежит без движения, но монитор ровный. А лесник — непредсказуемый. Если сорвётся с ремней — не простит себе. Кондратий справится. Пациенты — нет.

— Хорошо, — поджала губы. — Но если не вернёшься к утру, иду за тобой. И плевать.

Она провожала взглядом, пока две фигуры — один сутулый, опирающийся на дерево, другой подтянутый, напряжённый — не растворились в утренней дымке.

Лес встретил мёртвой тишиной. Ни птиц, ни ветра. Воздух густой, плотный — будто пробирались сквозь воду. Тропа размылась после дождей — вязкая глинистая полоса, ноги скользили. Круглов шёл тяжело, с каждым шагом дыхание — прерывистое, сухое, как треск сучьев. Кондратий не предлагал помощи. Шёл впереди, останавливался, ждал, пока старик догонит.

— Кузьмич работал там, когда всё только начиналось, — прохрипел Круглов, перешагивая ствол. — Знает систему изнутри. Но он... не совсем здесь. Война выжгла.

— Как и всех, — бросил Кондратий, не оборачиваясь.

Круглов умолк. Их шаги — оглушительные в этой тишине. Лес расступился неожиданно — поляна. В центре — покосившаяся землянка, от которой тянуло едким запахом дыма и сушёных трав. У входа, на сырой земле, лежала старая собака. Морда полностью белая от седины. Медленно подняла голову, глянула тусклыми глазами — ни рычания, ни любопытства. Снова опустила. Давно перестала ждать хорошего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.